

Согласен повторить»

К 80-летию со дня рождения Николая Островского.

«Как бы я хотел с тобой сейчас побыть, поговорить — отдохнуть в кругу товарищей-большевиков, успокоить развинтившиеся гайки», — так писал в письме к Александре Алексеевне Жигиревой Николай Островский.

Александра Алексеевна Жигирева (Дмитриева) (1892—1956 гг.) родилась в Петербурге. С ранних лет включилась в революционную борьбу. На подпольной работе познакомилась с коммунистами ленинской гвардии М. Калининным, Е. Ярославским, Н. Емельяновым и многими другими. Была арестована и сослана на бессрочное поселение в Сибирь. В 1917 году вернулась в Петроград. После победы Великой Октябрьской социалистической революции А. А. Жигирева трудилась на ответственных постах. Наряду со многими реальными прототипами она выведена в романе «Как закалялась сталь», причем названа своей фамилией. Н. Островский так описывает встречу с ней Павла Корчагина: «Напротив него, задумчиво дымя папирсой, сидела Жигирева. Александре Алексеевне Жигиревой тридцать семь лет, девятнадцать лет она в партии. «Шурочка-металлистка», как звали ее в питерском подполье, почти девочкой познакомилась с сибирской ссылкой».

Можно с уверенностью говорить о том, что она сыграла определенную роль в судьбе Николая Островского. Они познакомились летом 1928 года на курорте, и это знакомство перешло в длительную и большую дружбу. Вот как вспоминала об этом Александра Алексеевна:

«Отдыхая в санатории в Старой Маесте, я неодно-

кратно наблюдала за одним больным, когда его вывозили из палаты к ваннам. Он был, как мне показалось, очень молод и, по-видимому, тяжело болен, он держал себя спокойно и выдержанно. Как-то на прогулке я разговорилась со старым коммунистом Х. П. Чернокозовым и спросила, не знает ли он, что это за больной? В ответ Чернокозов рассказал мне, что это товарищ Островский, участник гражданской войны, безнадежно больной человек, удивительно мужественно переносящий свое несчастье. «Если хочешь, познакомлю. Очень интересный человек, но при одном условии — говорить с ним надо умело, а то он замкнется, и тогда ни одного слова от него не добьешься... Мы познакомились и разговорились. Здесь я впервые могла рассмотреть его близко. Это был человек высокого роста с вьющимися волосами, умными карими глазами. Я была поражена, узнав потом, что он видит только одним глазом, насколько взгляд его был выразителен».

С этого дня они подружились и стали часто встречаться. Его рассказы поражали ее глубоким знанием жизни. Она убеждала его взяться за перо и попробовать написать воспоминания о пережитом. «Чтобы писать, мне надо много знать, а для этого надо много учиться», — отвечал он и добавлял, что уже написал один рассказ, который где-то затерялся.

Уже после своего отъезда в Ленинград Жигирева помогла Островскому с устройством квартиры в Сочи после выписки из санатория.

По окончании первой части романа «Как закалялась

сталь» Островский послал рукопись в Ленинград. А. А. Жигирева пошла с рукописью в издательство. Там рукопись книги читали, хвалили, но с ответом не торопились.

«Я ожидаю твоего письма большого, — обращалась к ней Николай Алексеевич. — В своем письме напиши о Корчагине. Как, сумел ли я хоть отчасти правдиво написать о юном рабочем комсомольце?.. И не стесняясь, рассказывай, как меня кроют за книгу...»

Окончательно ответ в издательстве так и не давали. Тогда Жигирева решила идти к главному редактору издательства. Войдя, прямо спросила: «Будете печатать?» Услышав отрицательный ответ, она забрала рукопись. Вскоре роман был напечатан в журнале «Молодая гвардия».

Став уже признанным писателем, Николай Островский продолжал поддерживать дружеские отношения с Александрой Алексеевной. Они систематически переписывались и неоднократно встречались то в Сочи, то в Москве. Одна из таких встреч состоялась в Москве в марте 1936 года. Было решено записать на пластинку его выступление и открытки из романа «Как закалялась сталь». С улицы Горького провели проводку. Николай Алексеевич готовился к этим выступлениям и сильно переживал. Состояние его здоровья было очень тяжелым, говорить ему было трудно, а главное, он уже совершенно потерял зрение и должен был воспроизводить текст наизусть. В середине записи неожиданно зазвонил телефон, который забыли выключить, пластинка была испорчена, пришлось все начинать заново. Но раздался звонок в квартиру, оказывает-

ся, пришли его товарищи. Пластинка опять была испорчена.

Островский нервничал, и его увезли в рабочий кабинет. Заметно нервничал и работник радиоузла, переживали и все собравшиеся в комнате, но все-таки сделали попытку вновь уговорить Николая Алексеевича попробовать еще раз собраться с силами. Ходила к нему жена, вернулась. «Не выйдет», — сказала она. Через некоторое время пошла Александра Алексеевна. Николай Алексеевич узнал ее по походке. Приблизившись, она начала его уговаривать, думая, что он сразу оборвет ее за вмешательство. Но он молчал. Вот как она рассказывала об этом эпизоде сама:

— Ты не хочешь повторить, — сказала я ему, — а повторить надо, эта историческая запись, может быть, опять не выйдет, так еще придется повторить. Ты забыл, как коммунисты, выполняя приказ Центрального Комитета партии, шли в Думу и разоблачали царский произвол. И никакие трудности не останавливали их, и многие из них после своего открытого выступления попадали в Сибирь. Ты скован постелью годами, конечно, это нелегко, тебе надоело, но положи — в будущем будет лучше. Ведь вот товарищ из радиоузла, что в синих очках, сидит и ждет, когда можно будет записать. Рабочий день его кончился давно. Его дома ждут дети, семья, у него двойные стекла в очках, а он ждет тебя терпеливо, а ты не хочешь. «Я согласен повторить», — тихо сказал он.

В. КУРГАНОВ,
кандидат филологических наук